

УДК 82-94
ББК 84(7Coe)-44
013

Michelle Obama
BECOMING

© 2018, Michelle Obama

This translation published by arrangement with Crown Publishing,
a part of Penguin Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Обама, Мишель.

013 *Becoming. Моя история* / Мишель Обама ; [перевод с английского Я. Мышкиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-101892-4

«*Becoming*» — одна из самых ожидаемых книг этого года. Искренние и вдохновляющие мемуары бывшей первой леди Соединенных Штатов Америки уже проданы тиражом более 3 миллионов экземпляров, переведены на 32 языка и 10 месяцев возглавляют самый престижный книжный рейтинг Amazon.

В своей книге Мишель Обама впервые делится сокровенными моментами своего брака — когда она пыталась балансировать между работой и личной жизнью, а также стремительно развивающейся политической карьерой мужа. Мы становимся свидетелями частных бесед супругов, идем плечом к плечу с автором по великолепным залам Белого дома и сопровождаем Мишель Обаму в поездках по всей стране.

«Перед первой леди Америка предстает без прикрас. Я бывала на аукционах в частных домах, больше похожих на музеи, где стояли ванны из драгоценных камней. Видела семьи, которые потеряли все в урагане Катрина и были до слез благодарны получить в дар хотя бы работающие холодильник и плиту. Я встречала лицемеров и лгунов. Но также встречала и учителей, жен военнослужащих и многих других людей, настолько сильных духом, что я с трудом верила своим глазам».

Рассказывая свою историю честно и смело, автор заставляет каждого из нас задуматься: кто я и какова моя история?

УДК 82-94
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101892-4

© Мышкина Я.О., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Всем, кто помог мне стать собой:
людям, вырастившим меня, — Фрейзеру, Мэриан,
Крейгу и остальным членам моей большой семьи;
кругу сильных женщин, толкавших меня вперед;
лояльному и преданному персоналу,
которым я до сих пор горжусь.*

*А также любви всей моей жизни —
Малие и Саше, двум бесценным горошинкам,
наполняющим мою жизнь смыслом,
и, наконец, Бараку, который всегда обещал,
что нас ждет удивительное путешествие.*

Содержание

Вступление	9
Становясь собой	15
Становясь нами	133
Становясь чем-то бóльшим	321
Эпилог	471
Благодарности	476

Вступление

В ДЕТСТВЕ МОИ МЕЧТЫ БЫЛИ ПРОСТЫМИ. Я хотела собаку. Двухэтажный частный дом с лестницей. Четырехдверный универсал вместо двухдверного «Бьюика» — радости и гордости моего отца. Я говорила всем, что стану педиатром. Почему? Мне нравилось возиться с маленькими детьми, и я быстро поняла, что примерно такого ответа взрослые от меня и ждут. «Ух ты, доктор! Прекрасный выбор!» Я собирала волосы в хвостики, помыкала своим старшим братом и приносила из школы одни пятерки. Была очень целеустремленной, хотя и не совсем понимала, в чем моя цель.

Теперь мне кажется, «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» — один из самых глупых вопросов, который взрослый может задать ребенку. Будто у взросления есть финал. Будто однажды ты просто становишься кем-то определенным. Завершенным. Застывшим.

За свою жизнь я успела поработать юристом, вице-президентом больницы и директором некоммерческой организации, которая помогает молодым людям строить осмысленную карьеру. Я была черной студенткой из рабочего класса в престижном колледже преимущественно для белых, а также единственной женщиной и единственной афроамериканкой в самых разных компаниях. Я была невестой, нервной новоиспеченной мамой, дочерью, которую горе раздирало на части. И до недавнего времени — первой леди Соединенных Штатов Америки. Неофициальная должность,

открывшая для меня совершенно невообразимые возможности. Она бросала вызовы и учила смирению, поднимала на вершину мира и сбивала с ног. А иногда все это одновременно.

Я только начинаю осознавать, что произошло со мной за последние годы: с того момента в 2006-м, когда мой муж впервые решил баллотироваться в президенты, до холодного зимнего утра в 2017-м, когда я села в лимузин к Мелании Трамп, чтобы сопровождать ее на инаугурацию Дональда. Та еще поездка.

Перед первой леди Америка предстает без прикрас. Я бывала на аукционах в частных домах, больше похожих на музеи, где стояли ванны из драгоценных камней. Видела семьи, потерявшие все в урагане «Катрина» и до слез благодарные за работающий холодильник и плиту. Я встречала лицемеров и лгунов. Но также встречала и учителей, жен военнослужащих и многих других людей настолько сильных духом, что я с трудом верила своим глазам. И конечно, я знакомилась со множеством детей по всему миру, они смешили меня до слез, наполняли мое сердце надеждой и, слава богу, забывали мой титул сразу, как только мы начинали что-нибудь искать в земле в саду.

С тех пор как я скрепя сердце стала публичной личностью, меня раз за разом превозносили как самую влиятельную женщину в мире и унижали как «зловную черную женщину». Хотелось бы узнать у недоброжелателей, какая часть этой фразы должна быть для меня обиднее: «зловная», «черная» или «женщина»?

Я улыбалась для снимков с людьми, которые говорили о моем муже гадости по национальному телевидению, но при этом хотели поставить на свою каминную полку памятную фотографию с ним. В интернет-болотах обсуждалась мельчайшая деталь моей личности, вплоть до того, мужчина я или женщина. Действующий конгрессмен США ерничал по поводу моей задницы. Меня это задевало, я ужасно злилась, но в большинстве случаев просто пыталась посмеяться над этим.

Я все еще многого не знаю об Америке, о жизни и о том, чего ждать от будущего. Но я знаю себя. Мой папа, Фрейзер, научил меня усердно трудиться, часто смеяться и держать слово. Моя мама, Мэриан, объяснила, как важно думать самостоятельно-

но и говорить открыто. Вместе, в тесной квартирке на южной окраине Чикаго, они помогли мне осознать ценность нашей семейной и моей личной истории в рамках истории страны.

Даже если она не красива, не идеальна и более реальна, чем вам хотелось бы, ваша история — единственное, что у вас есть. Единственное, что будет с вами всегда. Это то, от чего нельзя отказываться.

Восемь лет я жила в Белом доме, где лестниц было больше, чем можно сосчитать. Там имелись лифты, дорожки для боулинга и собственный флорист. Я спала на итальянских простынях. Еду нам готовили шеф-повара с мировым именем, а сервировали ее лучше, чем во многих пятизвездочных ресторанах. Вооруженные агенты секретной службы с маленькими наушниками стояли за каждой дверью. Отстраненные лица агентов говорили о том, что они пытаются держаться как можно дальше от нашей личной жизни. В какой-то момент мы даже привыкли к этому странному окружающему великолепию и тихому присутствию чужаков.

В Белом доме наши дочери играли в мяч в коридорах и лазали по деревьям на Южной лужайке¹. Барак засиживался до глубокой ночи, изучая брифинги и наброски речей в Зале Договора². А Санни, одна из наших собак, иногда гадила на ковры.

Я помню, как стояла на балконе Трумэна³ и смотрела на туристов с селфи-палками. Они фотографировали наш дом из-за железного ограждения и гадали, что же происходит внутри.

¹ Южная лужайка (англ. *South Lawn*) Белого дома, также известная как «задний двор Белого дома», расположена перед южным фасадом здания президентской резиденции. Ее украшает большой фонтан. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Зал Договора (англ. *Treaty Room*) находится на третьем, «семейном» этаже Белого дома и используется как личный кабинет президента. Назван так в честь того, что в 1898 году двадцать пятый президент США Уильям Мак-Кинли подписал в нем мирный договор с Испанией.

³ Балкон Трумэна (англ. *Truman Balcony*) находится на втором этаже Белого дома и выходит на Южную лужайку. Был построен в 1948 году при президентстве Гарри Трумэна. В 2012 году Барак Обама упоминал балкон в числе любимых мест Мишель Обамы в Белом доме.

Иногда я буквально задыхалась оттого, что нам запрещали открывать окна из соображений безопасности. Нельзя было даже глотнуть свежего воздуха, не вызвав этим скандал. И в то же время я замирала от восторга, глядя из этих окон на магнолии в цвету, на ежедневную суматоху политических дел, величественность военных приветствий.

Были дни, недели, месяцы, когда я ненавидела политику. Но были и моменты, когда от красоты этой страны и ее людей у меня перехватывало дыхание и я не могла вымолвить ни слова.

А потом все закончилось. Даже когда ты знаешь, что конец близок и последние несколько недель наполнены прощаниями, сам день все равно проходит как в тумане. Рука на Библии, клятвы. Мебель одного президента выносят, другого — заносят. Шкафы опустошаются и наполняются снова за считанные часы. И вот уже новые головы покоятся на новых подушках — новые темпераменты, новые цели. Когда в последний раз выходишь за дверь самого знаменитого здания в мире, приходится во всех смыслах начинать все сначала.

Позвольте мне упомянуть здесь одно маленькое происшествие. Это случилось недавно. Я была в новом доме из красного кирпича. Мы с семьей только что переехали сюда. Дом стоял всего в паре миль от старого, на тихой соседней улочке. Мы едва начали обживать, и в гостиной все было обустроено так же, как в Белом доме. В каждом уголке прятались маленькие напоминания о прошедших годах: семейные фотографии из Кэмп-Дэвида¹, горшки ручной работы, подаренные мне студентами-индейцами, книга с автографом Нельсона Манделы.

Самое странное, что в этот вечер никого, кроме меня, не было дома. Барак уехал в командировку, Саша ушла с друзьями, а Маля в то время жила и работала в Нью-Йорке, воспользо-

¹ Кэмп-Дэвид (англ. *Camp-David*) — загородная резиденция президента США в паре часов езды от Вашингтона. Расположена в парке горы Катоктин.

вавшись своим академическим годом¹ перед колледжем. Только я, две собаки и тихий, пустой дом. Такого со мной не случалось уже восемь лет.

Мне хотелось есть, так что я зашла на кухню, заглянула в холодильник, взяла два кусочка хлеба и положила их в тостер. Открыла шкаф и вынула оттуда тарелку. Знаю, звучит странно, но то, что я сама достала тарелку с кухонной полки, не услышав ни одного предложения о помощи, а потом смотрела, как хлеб постепенно покрывается коричневой корочкой, — все это как будто вернуло меня к прежней жизни. Или, может быть, наоборот, это моя новая жизнь впервые дала о себе знать.

Я положила чеддер между двумя кусочками хлеба и расплавила его в микроволновке. Потом вынесла тарелку с тостом на задний двор. Мне не пришлось никому говорить, что я собираюсь выйти. Я просто вышла. Босиком, в шортах. Зимние холода закончились, и из-под земли начинали пробиваться нежные головки крокусов. В воздухе пахло весной. Я села на деревянные ступеньки, все еще теплые от солнца.

Где-то вдалеке залаяла собака — и звук застал моих псов врасплох. Для них это оказалось в новинку: пока мы жили в Белом доме, у нас не было соседей, а тем более соседских собак. Они впервые поняли, что где-то существуют другие животные, и отправились обнюхивать территорию.

Я ела тост в темноте, ощущая свое одиночество в лучшем смысле этого слова. Мне наконец не нужно было думать о вооруженных охранниках, которые могли бы сидеть на импровизированном командном посту в гараже меньше чем в ста ярдах² от меня, или о том, что я не могу пройти по улице без плана по обеспечению моей безопасности. В голове в кои-то веки не

¹ Академический год (англ. *Gap year*) — год перерыва между окончанием школы и началом учебы в вузе. Многие колледжи, в первую очередь Гарвардский и Принстонский университеты, поощряют взятие академического года и даже предлагают для него свои программы. Макия Обама брала академический год перед поступлением в Гарвард.

² 91,4 метра. — *Прим. ред.*

было ни единой мысли о новом — и даже старом — президенте.

Вместо этого я представляла, как через несколько минут вернусь обратно в дом, помою тарелку в раковине, поднимусь в спальню и открою окно, чтобы впустить весенний воздух, — и как это будет чудесно. В тишине у меня впервые появилась возможность все обдумать. Когда я доживала до конца рабочей недели, будучи первой леди, то не могла вспомнить ее начало. Теперь же время ощущалось по-другому.

Мои девочки въезжали в Белый дом с карманными куколками Полли¹, с одеялом по кличке Одеяльчик и плюшевым тигром по кличке Тигр, а сейчас они обе уже девушки с собственными планами и взглядами. Мой муж наконец перевел дыхание и строит планы на жизнь после Белого дома. А я здесь, на новом месте. И мне многое хочется рассказать.

¹ Карманные куклы Полли (англ. *Polly Pocket*) — серия кукол и аксессуаров карманного размера в пластиковых чемоданчиках.

Становясь собой

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МОЕГО ДЕТСТВА ПРОШЛА ПОД ЗВУКИ усилий. Они просачивались между половицами моей комнаты и разрывали сердце всхлипами если не самой плохой на свете, то точно любительской музыки. Плинка, плинка, плинка — на нижнем этаже ученики двоюродной тети Робби медленно и неверно оттачивали исполнительские навыки за ее стареньким пианино.

Мы с семьей жили на южном побережье озера Мичиган в Чикаго. Аккуратный кирпичный домик, в котором прошло мое детство, принадлежал нашим родственникам. Мои родители арендовали комнаты на втором этаже, а Робби и ее муж Тэрри жили на первом. Робби была маминой тетей и всегда хорошо к ней относилась, но меня она приводила в ужас. Чопорный дирижер церковного хора и местная учительница музыки, она носила очки для чтения на цепочке и высокие каблуки. Несмотря на лукавую улыбку, Робби не одобряла мамин сарказм.

Я часто с благоговением слушала, как Робби отчитывает учеников за отсутствие практики или их родителей за опоздания. Ее «доброй ночи!» в середине дня звучало похлеще любого ругательства. Да, Робби нелегко было угождать.

Звук чьих-то стараний стал неизменным саундтреком нашей жизни. Дневное плинканье, вечернее плинканье... Иногда к нам заходили дамы из церкви, чтобы попрактиковаться в пении гимнов и освятить своим благочестием наши стены. Согласно

правилам Робби, детям было разрешено разучивать только по одной пьесе за раз, так что я постоянно слушала, как они пытаются добраться от «Пасхальных куличиков»¹ до «Колыбельной»² Брамса. Одна неверная нота за другой.

Не то чтобы музыка была раздражающей, но она практически никогда не замолкала. Плинканье подкрадывалось по лестнице, вырывалось летом из открытых окон и сопровождало все мои мысли, занятые Барби и маленькими королевствами из кубиков. Передышку мы получали только с приходом отца — он возвращался с ранней смены на водоочистительной станции и включал по телевизору игру «Кабс»³ на полную громкость.

Заканчивался сезон 1960-го. «Кабс» играли не так уж плохо, но и хорошей командой их тоже нельзя было назвать. Я сидела у папы на коленях и слушала, что они совсем выдохлись к финалу, а Билли Уильямсу, который жил за углом на Констанс-авеню, удавался такой сладкий свинг с левой⁴.

А за пределами стадионов в Америке происходили большие и туманные перемены. Кеннеди убили. Мартина Лютера Кинга застрелили на балконе в Мемфисе, что вызвало волну беспорядков по всей стране, включая Чикаго. Национальный съезд Демократической партии 1968 года закончился кровью демонстрантов, выступающих против войны во Вьетнаме. Полицейские вовсю орудовали дубинками и слезоточивым газом в Грант-парке⁵, всего в девяти милях к северу от нашего дома.

¹ Пасхальные куличики (англ. *Hot Cross Buns*) — английская детская песенка.

² «Колыбельная» написана немецким композитором Иоганнесом Брамсом как часть симфонии в 1868 году.

³ «Чикаго Кабс» (англ. *Chicago Cubs*) — профессиональный бейсбольный клуб.

⁴ Сладкий свинг (англ. *Sweet swing*) — устойчивое выражение. Свинг — удар в бейсболе, при котором мяч летит за пределы поля. «Сладкий свинг», таким образом, означает свинг, пришедшийся на нужный момент.

⁵ Грант-парк (англ. *Grant Park*) — большой городской парк (1,29 км²) в Чикаго.